

Сергей Грызунов: «Сегодняшняя журналистика мне несимпатична»

Сергей Грызунов был министром печати Российской Федерации с 1994 по 1996 год. Да, он родом из 90-х, таких свободных, как некоторым кажется, из той демократической команды Ельцина. Получилось у них что-нибудь или это были годы безвременья? Сергей Петрович отвечает только за себя, за свой пост, за свое дело.

О том и наш разговор сегодня, в день, когда ему исполнилось 70 лет.

– До своего назначения в Министерство Вы много лет отработали корреспондентом АПН в Югославии, то есть до войны, во время и после. Слышал, что Милошевич вас приказал убить. За что?

– Да, я работал там с 1982 по 1994 год шефом Балканского бюро АПН. Это было при Слободане Милошевиче, президенте, человеке, который был отчаянным националистом, политическим убийцей даже тех людей, которые его привели к власти. По его приказу убивали независимых журналистов, моих югославских друзей и коллег. Вот он отдал приказ своим службам безопасности меня ликвидировать.

– Почему?

– Потому что я плохо писал о нем, посылал информацию, официальную и профессиональную, в российские СМИ и в Кремль о том, кто такой Милошевич. Но там, в Кремле, у него, к сожалению, были доброжелатели, которые ошибались по поводу наших связей с этим убийцей.

– Они делали на него ставку.

– Да, считалось, что он друг нашей страны, а на самом деле этого не было.

– Но была и другая причина: вы узнали всю правду о том, кто убил советских корреспондентов Ногина и Куренного

– Да, это были люди Караджича и генерала Младича, а у нас официально объявили, что их убили мусульмане-боснийцы. На самом деле это были боснийские сербы, которые составляли значительную часть населения Боснии и Герцеговины. Я об этом узнал, написал, хотя мне запретили это делать, считалось, что сербы – наши братья. Но я написал правду, потому что не враги России убили Ногина и Куренного, а просто сидела пьяная засада, девять человек на дороге в Костайницу, и стреляли во все, что ехало, мимо них двигалось. А ребята ехали в машине «Опель Омега» с дипломатическими номерами, темно-синего цвета, с большими буквами TV на капоте. Было понятно, что это журналисты. Все равно их расстреляли. Мы нашли ребят, и только через 26 лет Путин наконец подписал указ о награждении их орденами Мужества посмертно.

– То есть 26 лет вы добивались этого?

– Не только я, но и мои коллеги, которые работали со мной на Балканах, в том числе и Володя Мукусев. Вся информация о гибели наших журналистов была засекречена, мы старались пробить брешь в этом молчании, и сегодня хоть какая-то компенсация у вдов Ногина и Куреннова существует.

– Хотелось бы понять ваш взгляд оттуда, из 90-х, на журналистику. В 90-е журналистика была свободнее, чем сейчас?

– Журналистика была свободнее не только в 90-е годы, а даже и в СССР, потому что умные журналисты умели так писать, что умные читатели между строк все понимали. Свободы печати формально не существовало, была официальная цензура в Советском Союзе, ее остатки сохранились и после того, как умер СССР. Был Главлит, я его ликвидировал в 1995 году, чем горжусь.

– Вы много лет проработали в АПН. Эта организация всегда ассоциировалась с КГБ, говорили, что все работники АПН на службе в органах. Вы тоже?

– Этого я говорить не буду, но то, что советские и российские спецслужбы использовали АПН в своих интересах, – да. Практически во всех корпунктах АПН за рубежом работали люди из СВР и Главного разведуправления, потому что у журналистов и разведчиков задача одна – собирать информацию. Жизнь и есть процесс сбора информации.

– Важно только применение этой информации.

– Здесь большого секрета нет: если это была важная информация для интересов нашей страны, ее безопасности, мы ее передавали сотрудникам наших спецслужб. В этом, по-моему, не было никакого преступления, наоборот, интересы страны прежде всего.

– А по-моему, в интересах страны иметь свободную, независимую журналистику, абсолютно никак не связанную ни с властью, ни со спецслужбами.

– Я очень люблю слова о том, что журналистика – это четвертая власть. Горжусь тем, что я профессиональный журналист. Много лет я преподавал на факультете международной журналистики МГИМО, своих студентов учил тому, что они будут представителями лучшей профессии в мире. Журналистика – это профессия, которая не может быть связана с негативными сторонами нашей жизни. Журналист не может быть лгуном, наемником, настоящий журналист не может быть взяточником. Журналист – это чистые руки.

– Но многие журналисты теперь стали пропагандистами, работают на власть. Ну так называйте себя так, при чем здесь журналистика?

– Мы с этими людьми не общаемся и не смотрим их программы. Я перестал ходить на ТВ-шоу, где продажные люди являются ведущими.

– Но вы сказали: журналист не может быть вруном. Но мы же видим, что они врут. И они еще скажут: да, мы врем, но во благо родины. К тому же пропаганда – это смесь правды, полуправды и лжи, то есть правда там есть. Получается, что пропагандисты – это атланты, которые держат небо, скрепляют нашу страну. Вы слишком идеалистичны, Сергей Петрович.

– Может быть, потому что я вырос в той журналистике прошлого века, но до сих пор мой дом в Переделкине – это место встреч прежде всего с моими коллегами, выдающимися журналистами... Кстати, Интернет сегодня перевернул журналистику: практически каждый здравомыслящий, умный человек может быть оригинальным средством массовой информации публично, работая на многомиллионную аудиторию.

– Тогда все размывается. Вот есть журналисты, работающие в массовых, зарегистрированных СМИ, и вдруг какой-то блогер собирает огромное количество читателей или зрителей. Идет поток, и как в нем ориентироваться?

– Согласен, уже это размыто. Но сегодня люди моего круга, а вы их знаете прекрасно, находятся по другую сторону от электронных СМИ. Недавно меня пригласили на программу «Право голоса» к Роману Бабаяну на ТВЦ. Я долго туда не ходил, но согласился, потому что на этот раз речь шла о Грузии, а я долгие годы занимался российско-грузинскими отношениями. Я хотел сказать, что сегодня происходит нечто неправильное в отношениях Москвы и Тбилиси...

– Вы поняли, куда попали? Там же нужно прежде всего перекричать оппонента, забить его голосом.

– Я с ужасным настроением уехал из студии.

– При этом ведущий – это главный манипулятор в таких программах.

– Я начинаю уже думать о том, чтобы создать свой канал, собрать друзей-профессионалов, что-то сказать альтернативное

из той журналистики, в которой мы выросли, которой гордились и где мы добились определенных успехов. Наверное, это мои мечты.

– А чего вы добились в 90-х? Ну, было олигархическое телевидение, как сейчас на Украине. Да, какая-то альтернатива, но все равно люди работали в интересах своих олигархов. И тогда чем это отличается от того, что сегодня все ТВ государственное и получает инструкции из одного окна? Так хотя бы честнее.

– Да, работали или на Березовского, или на Гусинского. Но одного уже нет, а второй не смеет даже пересечь границу России, их судьба очень печальна. Но в то же время Гусинский и Березовский немало сделали для возрождения свободы печати в нашей стране, несмотря ни на что. Они, конечно, нарушали правила...

– «Он виноват, но он не виноват, пожалейте его, граждане судьи...» Говорят, что сегодня журналистика умирает. Из-за чего? Она теряет влияние, размывается тем самым Интернетом, становится фейк-новостями, как говорит Трамп?

– Ой, не знаю. Но сегодняшняя журналистика мне несимпатична, я должен в этом признаться. Кстати, ваша газета одна из немногих, которая сохранила свое лицо. Я покупаю и читаю «Московский комсомолец». Еще покупаю и читаю «Новую газету», заглядываю в «Ведомости», «Коммерсантъ». Журналистика пишет для людей, для общества. Речь идет о гражданах Российской Федерации. Почему они не так счастливы, как счастливы граждане Швеции, Финляндии, США?

– Что значит несчастливы? По последним опросам, очень многие в России счастливы, и это часто не зависит ни от экономики, ни от политики.

– Знаете, недавно мы с женой были в Новой Зеландии: счастливее граждан этой страны я не видел никого и никогда. Это красивые, высокие мужчины и женщины, у них в стране великолепный климат, великолепная погода, безопасность... А какие дороги! А какая

кухня!

– А тот парень, который перестрелял 50 мусульман, – разве не в Новой Зеландии это было?

– Это трагический случай. Я разговаривал с выходцами из бывшего Советского Союза, так они счастливы тем, что получили новозеландское гражданство.

Знаете, я живу в Фейсбуке. Это счастье, когда тебя слышат, видят, делятся с тобой, путешествуют с тобой по свету. Например, я был так рад получить от однокурсницы, живущей в Ярославле, сообщение на Фейсбуке во время путешествия по Новой Зеландии: «Сереза, как здорово путешествовать вместе с тобой». Но сейчас время такое, никто никому не пишет письма, эпистолярный жанр умер. А у меня хранится дома невероятный архив писем моих папы, мамы, дедушки, бабушки, прадедушки и прабабушки. Я их достаю, смотрю, у меня слезы текут от того, как это было дорого, важно. Как с войны родители мои писали друг другу, что они живы, что они вернутся. Моя мама была в блокаде в Ленинграде, дедушка ее спасал, вытаскивал оттуда. Я не знаю, что будет завтра, но думаю, что возникнет какое-то новое измерение в общении людей.

– Знаю, что вы встречались с Вангой по заданию ЦК КПСС, чтобы выяснить, может ли Ванга помочь здоровью генсека. А что вы узнали от нее про себя?

– Я был первым советским журналистом, который ночевал у нее дома. Она положила мне под подушку рафинированный сахар, на него записывалось все, что у меня есть в мозгу, и утром, когда мы завтракали, она мне все рассказала. О моей семье, о моем прошлом, и я понял, что она не выдумка, не фантом какой-то, а реально необъяснимое явление. Я написал служебную записку в ЦК, где подтвердил ее феноменальные способности. А про себя... Знаете, я был счастлив тем, что она мне предсказала. Но об этом нельзя говорить, иначе не сбудется.

The logo consists of the word "MIRRU" in a stylized, bold font. The letters "MIR" are in blue, and "RU" is in red. The letters are slightly shadowed, giving a 3D effect.

Александр Мельман